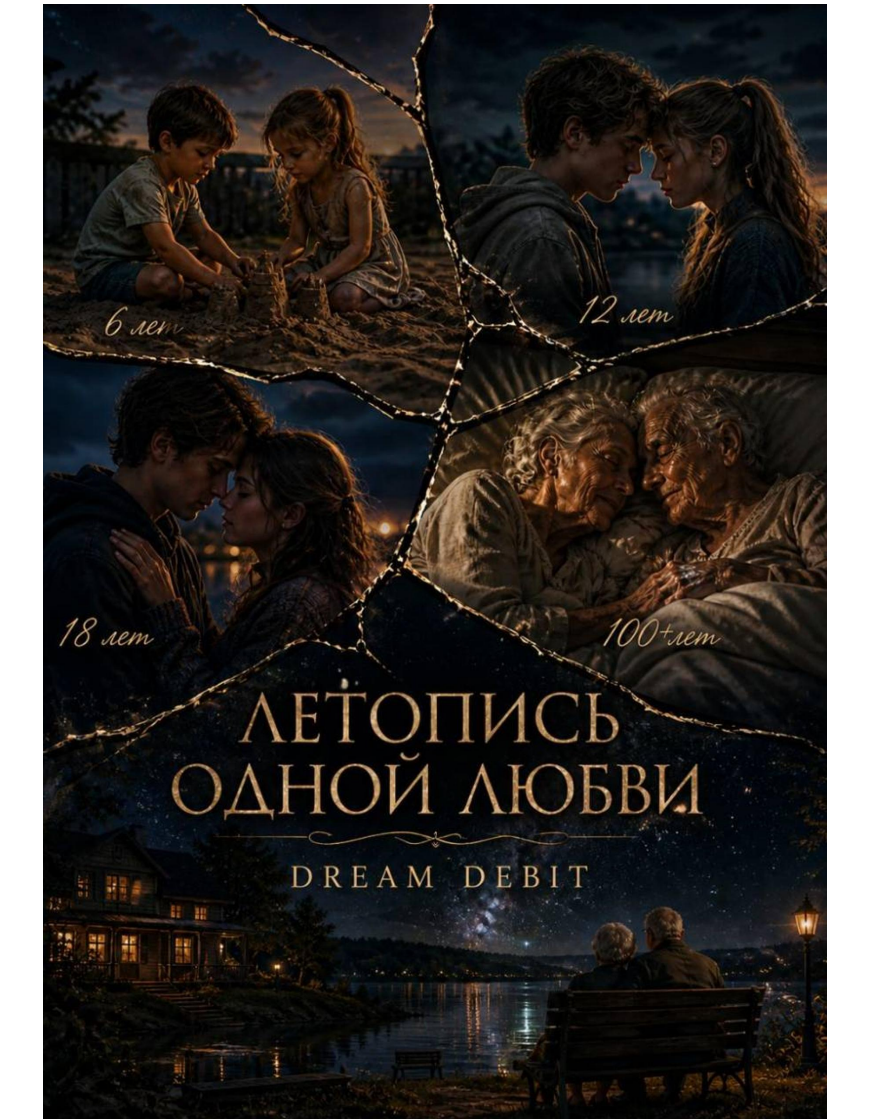

6 лет

12 лет

18 лет

100+ лет

ЛЕТОПИСЬ ОДНОЙ ЛЮБВИ

DREAM DEBIT

DREAM DEBIT

Летопись одной любви

<https://litres.ru/73897988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Летопись одной любви — история, которую не покажут по телевизору. Она трогает до слез. Это рассказ о том, как шестилетний хулиган впервые встретил шестилетнюю девочку. Она была порядочной и скромной. Их путь и испытания станут началом чего-то нового и удивительного. Эта история начинается с рождения и продолжается до самой старости и смерти героев.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

DREAM DEBIT

Летопись одной любви

Пролог

Я помню песок. Не тот, что на дорогах курортах, а жёлтый, перемешанный с землёй и мелкими камешками из нашего двора. Мы встретились там, когда мне было шесть, и с тех пор моя душа знает только один ориентир — её глаза.

Говорят, любовь живёт три года. Это ложь. Мы прошли всё: от детских драк до седых волос. Мы расставались, думая, что наша любовь была ошибкой, и снова притягивались друг к другу, как планеты, обречённые вращаться по одной орбите.

Я защищал её, когда она была слабой. Она спасала меня, когда я терял веру в себя. Мы построили дом. Родили детей. Похоронили родителей. И однажды настал день, когда я держал её руку в последний раз, и эта рука была всё такой же тёплой, как и там, на ступеньках медпункта, сорок лет назад.

Теперь я стар. Я сижу на нашей скамейке и вспоминаю. Всю нашу жизнь. От первого совочка до последнего вздоха.

Это не просто история любви. Это летопись нашей души, которую я хочу оставить здесь, пока сам не ушёл вслед за ней. В ту самую песочницу, где мы встретились.

Глава 1

Самые важные встречи в жизни всегда случаются неожиданно. О них не договариваются за месяц, их не ждут и к ним не готовятся. Они просто происходят — и всё, мир внутри тебя навсегда становится другим.

Им было по шесть лет.

Лето в том году выдалось жарким и бесконечно длинным, каким оно и должно быть в детстве. Двор был полон звуков: орали коты, гремели старые жигули, на лавочках бабушки обсуждали последние новости, смешивая их с безобидными сплетнями. А в центре двора возвышалась она — большая, старая, местами облезлая, но совершенно роскошная песочница.

Здесь кипела жизнь. Здесь строились замки, рылись тоннели, пеклись воображаемые пироги из грязи и тополиных серёжек. И именно здесь в один ничем не примечательный вторник вершилась судьба.

Она сидела на корточках и старательно лепила куличик. Девочка была тихая, с двумя смешными косичками, перевязанными белыми бантами. Высунув язык от усердия, она утрамбовывала песок в красное пластиковое ведёрко, чтобы потом одним ловким движением перевернуть его и получить идеальную, ровную башенку.

Рядом уже выстроился целый город: пять куличиков, об-

несённых веточкой-забором. Девочка отряхнула руки и с гордостью оглядела своё творение. Это был её мир. Её королевство. И оно было прекрасно.

Он появился из ниоткуда.

Взлохмаченный, чумазый, с разбитой коленкой и хищным прищуром захватчика. В одной руке он сжимал пластмассовый экскаватор, который явно пережил не одно сражение. Звали его по-разному: мама ласково звала зайчиком, соседка — шалопаем, а дворовые пацаны звали его своим.

Он остановился напротив песочного города и несколько секунд изучал архитектуру противника. Она почувствовала неладное и нахмурила тонкие бровки.

— Это моё, — сказала она тихо.

Он ничего не ответил. Он просто поднял ногу и с наслаждением истинного варвара наступил на первый куличик. Песок жалобно хрустнул и рассыпался.

— Ты чего делаешь?! — взвизгнула девочка.

Он ухмыльнулся, сверкнув щербатым передним зубом, и наступил на второй. За ним на третий. Его экскаватор взметнулся в воздух и с грохотом обрушился на четвёртый, сравняв его с землёй.

Это была не просто шалость. Это был акт чистого, незамутнённого вандализма. И ему это нравилось. Её город, её королевство, её утренний труд на его глазах превращался в руины.

И тогда она сделала единственное, что оставалось делать

королеве, чьи владения захватил враг. Она схватила горсть песка и со всей дури швырнула ему в лицо.

На секунду мир замер. Он стоял, часто моргая, пытаясь вытряхнуть песок из глаз. Песок скрипел на зубах, висел на ресницах, забился в уши. Она замерла, испугавшись собственной храбрости. Может, зря? Может, надо было просто заплакать?

А потом он сделал то, чего она совсем не ожидала.

Он засмеялся. Громко, заливисто, запрокинув голову.

— А ты дерзкая, — сказал он, отплёвываясь от песка.

— А ты дурак! — крикнула она, готовая снова защищать свои руины.

И тут, откуда ни возьмись, прибежали мамы. Её мама — встревоженная, в домашнем халате, и его мама — уставшая, с тяжёлыми сумками.

— Ты что натворил?! — ахнула его мама, глядя на разрушенный песочный город.

— А чего она... — начал было он, но осёкся.

— Он всё сломал! — тут же наябедничала девочка, и её глаза предательски заблестели.

Его мама уже открыла рот, чтобы выдать гневную тираду, но её мама вдруг тихо рассмеялась.

— Да ладно вам, — сказала она. — Это же дети. Пусть лучше учатся мириться.

Две женщины переглянулись поверх голов своих чад. И, к удивлению обеих, улыбнулись друг другу. Так, среди рас-

сыпанного песка, растоптанных куличиков и общей неловкости, началась их дружба.

А дети?

Он стоял и смотрел на неё исподлобья. Она плакала, но в её глазах, кроме слёз, горел огонёк. Огонёк непокорности. И это было что-то новое. Что-то интересное.

— Я тебя запомнил, — тихо сказал он.

— А я тебя нет, — соврала она, шмыгнув носом.

Это была их первая встреча. Первое знакомство, которое оба запомнят на всю оставшуюся жизнь. Встреча, которая разделила время на «до» и «после».

Так началась самая длинная история любви в этом дворе.

Глава 2

Четыре года — это целая вечность, когда тебе десять. За это время многое стирается из памяти, но некоторые вещи забыть невозможно. Например, вкус песка на зубах от той самой девчонки, которая когда-то швырнула тебе горсть в лицо. Он не забыл.

Школа оказалась совсем не такой, как они оба себе представляли. Для неё, тихой и стеснительной девочки со старым, потёртым ранцем, она стала настоящим испытанием. Её семья жила скромно, и это, увы, замечали все. Одноклассники — жестокий народ, им не нужны причины, чтобы vybrать жертву. Достаточно просто быть чуть тише, чуть беднее, чуть беззащитнее остальных.

Сначала это были просто шутки. Кто-то спрятал её сменку перед уроком физкультуры, кто-то нарисовал мелом на её половине парты кривую рожицу. Она молчала, стирала мел рукавом и делала вид, что ничего не происходит. Но с каждым днём шутки становились злее, а смех за спиной — громче.

Он учился в параллельном классе и по большому счёту жил своей жизнью: гонял в футбол на переменах, получал замечания за драки и не лез в чужие дела. Но иногда, проходя по коридору, он видел её. Она сидела одна за партой у окна, рисовала что-то в тетради и старалась быть незамет-

ной. Он узнавал её. Та самая девчонка из песочницы. Та, что швырнула в него песком. Тогда, четыре года назад, это почему-то вызвало у него уважение.

В тот день всё пошло иначе. Была большая перемена, и он шёл через школьный двор к спортивной площадке. Его ждали пацаны, мяч и привычная беготня до звонка. Но краем глаза он заметил какое-то столпотворение за углом школы, у старой голубятни. Трое пацанов из его же параллели окружили кого-то и громко ржали. Один из них, самый рослый и наглый, по кличке Гвоздь, держал в руках чей-то старый, выдавший виды портфель.

— Отдайте! — услышал он тонкий, дрожащий голос. — Пожалуйста...

Он узнал этот голос. Это была она.

— А что ты нам сделаешь? — ухмылялся Гвоздь, подкидывая портфель в воздух и ловя его в последний момент. — Заплачешь? Ну давай, поплачь, может, тогда отдам!

Двое других загоготали, подначивая его. Она стояла, вжав голову в плечи, и по её щекам уже текли слёзы. Белые банты, как и четыре года назад, сбились набок. Ей было страшно, обидно и одиноко.

И тут у него внутри что-то щёлкнуло. Это было не рыцарство и не какая-то осознанная храбрость. Просто он вдруг отчётливо понял: «Я её знаю». Он знает её с шести лет. Она — часть его двора, его песочницы, его собственной истории. И какие-то придурки не имеют права доводить её до слёз.

Он не думал, что их трое, а он один. Он просто сорвался с места.

— Эй, Гвоздь! — крикнул он, подбегая. — Положи портфель.

Гвоздь обернулся, оценил противника и лениво ухмыльнулся.

— А тебе-то что? Это твоя подружка, что ли? Иди отсюда, пока цел.

Это было последнее предупреждение. Но он не ушёл. Вместо ответа он просто шагнул вперёд и со всей дури врезал Гвоздю кулаком в нос. Удар вышел смазанный, детский, но неожиданный и оттого точный. Что-то хрустнуло, брызнула кровь.

Дальше была драка. Настоящая, злая. Трое на одного — это нечестно, но ему было плевать. Он чувствовал, как чей-то кулак врезается ему в скулу, как саднит разбитая губа, но он не останавливался. Он был словно дикий зверь, защищающий свою территорию. Он уже не понимал, кому и куда бьёт. Всё смешалось в единый клубок из рук, ног и криков.

Она стояла в стороне, прижав ладони к губам, и крупные слёзы катились по её щекам. Но теперь это были слёзы не страха, а ужаса за него. За этого странного, чумазого мальчишку, который её даже не помнил, но почему-то полез в драку.

Наконец, на шум прибежал физрук. Драку разняли. Гвоздь, утирая разбитый нос, ревел в три ручья и обещал

всем немыслимые кары. Его дружки, получив по паре синяков, выглядывали из-за спины учителя. А он стоял, тяжело дыша, с разбитой губой и уже заплывающим глазом, и смотрел, как Гвоздь, подгоняемый физруком, бросил её портфель на землю.

Когда все ушли, она робко подошла к нему. Он стоял, привалившись спиной к стене голубятни, и пытался отдышаться. Портфель валялся в пыли. Она подняла его, прижала к груди и посмотрела на своего защитника. На его разбитое лицо, на испачканную рубашку.

— Зачем ты... — прошептала она. — Их же трое было.

Он сплюнул кровь на асфальт и, не глядя на неё, буркнул:

— Я не ради тебя. Просто они меня бесят. Гвоздь ещё с прошлой недели мне должен.

Это была ложь. Гвоздь ничего ему не был должен. Она это знала. И он это знал. Но в тот момент это было неважно. Он развернулся и, прихрамывая, зашагал прочь к своему футбольному полю.

Она смотрела ему вслед. Слезинка скатилась с её щеки. Но теперь это была не слеза обиды. Это была совсем другая слеза. Она не знала тогда, как это называется. Знала только, что теперь у неё есть защитник.

С того дня всё во дворе изменилось. Нет, они не стали друзьями. Они по-прежнему не здоровались и не сидели за одной партой. Но каждый раз, когда кто-то пытался её задеть, рядом, словно из-под земли, вырастал он. Молчаливый,

хмурый, с вечно разбитыми костяшками. И обидчики быстро усвоили: эту странную девчонку лучше не трогать.

Он стал её тайным, никому не понятным стражем. А она начала замечать то, чего не видела раньше. Например, как он смеётся с друзьями. Как сосредоточенно пинает мяч. И как каждый вечер, засыпая, она видит перед собой не разбитое лицо, а его взгляд. Колючий, но отчего-то тёплый.

Что-то зарождалось. Что-то очень тихое и ещё совсем непонятное.

Они росли.

Глава 3

Шестнадцать лет — это возраст, когда мир трещит по швам. Ты уже не ребёнок, но ещё не взрослый. Тело растёт быстрее, чем разум, а гормоны играют с тобой злые шутки. Им было по шестнадцать, и они оба поступили в один техникум на окраине города. Она — на бухгалтера, потому что мама сказала, что это надёжно. Он — на автомеханика, потому что с детства любил возиться с железками.

Техникум оказался местом суровым. Здесь не было школьных учителей с их вечными нравоучениями. Здесь царили свои законы: выживает сильнейший, а слабых затапывают. Студенческая жизнь бурлила, разбиваясь на стайки и группки. Были «крутые», были «середнячки», а были «невидимки».

Она снова стала невидимкой.

За четыре года она вытянулась и похорошела, но внутри всё ещё оставалась той же тихой, стеснительной девчонкой. Одевалась скромно, говорила мало, на переменах сидела в уголке с книжкой. И этого оказалось достаточно, чтобы старые механизмы травли запустились вновь.

На этот раз всё было изощрённее. Не просто спрятать сменку или нарисовать мелом на парте. Группа девчонок с параллельного потока, возглавляемая яркой и наглой крашеной блондинкой по кличке Крыса, избрала её своей мише-

нюю. Сначала были насмешки над её простой одеждой. Потом — шушуканье за спиной и мерзкие записочки. Она терпела, стиснув зубы, вспоминая школу и надеясь, что всё рассосётся. Не рассосалось.

Он учился в другом крыле здания, в автомастерских, где пахло бензином и железом. У него была своя компания, свои дела. Но он всё равно иногда видел её в коридоре или столовой. Она всё так же сидела одна, уткнувшись в тетрадь. И он ловил себя на мысли, что ему хочется подойти. Просто спросить: «Как дела, мелкая?». Но гордость и юношеская дурь не позволяли. Они уже не враждовали, но и не дружили. Два параллельных мира, которые иногда пересекались на общих переменах.

В тот день осень была особенно мерзкой. Моросил дождь, асфальт блестел от луж. Занятия закончились, и он с друзьями вышел на задний двор техникума, где обычно курили и обсуждали свои дела. И тут он увидел их.

Крыса и ещё две её шавки окружили её возле старой трансформаторной будки. Они вырвали у неё из рук конспекты и швырнули в лужу. Она стояла, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, и молчала. В её глазах был уже знакомый ему страх.

— Смотрите, какие мы гордые! Даже не плачет! — Крыса сделала шаг вперёд и толкнула её в плечо. — Ты чего такая дерзкая, а? Или, думаешь, твой дружок опять прибежит?

Девчонки загоготали.

— А может, она ему дала, вот он и бегают? — подхватила вторая.

— Да кому она нужна, серая мышь, — фыркнула Крыса и снова толкнула её, на этот раз сильнее.

Она больно ударилась спиной о выступ стены, но не проронила ни звука. Он смотрел на это, и мир вокруг него начал сужаться до одной-единственной точки. Те же трое, что и в школе. Только теперь не пацаны, а три раскрашенные дуры. Суть не изменилась. И снова у него внутри что-то щёлкнуло. Громко, как выстрел.

Он не стал кричать «Эй!». Он просто сорвался с места и побежал. Его друзья даже не успели ничего понять.

Он подлетел к ним как ураган. Встал между ней и Крысой, заслонив её собой. Его глаза горели такой яростью, что девчонки на секунду опешили.

— Слышь, ты, — прорычал он, глядя прямо на Крысу. — Отошла от неё.

— Ой, а вот и рыцарь в замасленных штанах! — Крыса оправилась от неожиданности и криво ухмыльнулась. — Тебе что, больше всех надо? Иди мимо, герой. Это бабские разборки.

— Я сказал, отошла, — повторил он, и в его голосе прозвучал металл.

И тогда случилось то, чего он не ожидал.

Из-за угла будки вышли четверо старшекурсников. Види-

мо, Крыса подстраховалась. Здоровые, уже не пацаны, а почти мужики. «Группа поддержки», — хмыкнул он про себя. Один из них, самый здоровый, с бычьей шеей, шагнул вперёд.

— Проблемы, мелкий?

Он не ответил. Сзади, за его спиной, она тихо всхлипнула:

— Пожалуйста... не надо...

Этот тихий всхлип стал последней каплей. Он молча шагнул вперёд и врезал «бычьей шее» прямо в челюсть.

Дальше начался ад.

Четверо на одного — это не драка. Это избиение. Он дрался отчаянно, со всей злостью, что накопилась за годы. Первый удар пришёлся ему в скулу, второй — под дых. Он упал на мокрый асфальт, но тут же вскочил и снова бросился вперёд. Разбил кому-то губу, кому-то поставил фингал. Его били ногами, он закрывался руками, но не отступал.

— Хватит! Прекратите! — кричала она.

Её крики слышали. Из дверей техникума выбежал охранник с парой преподавателей. Старшекурсники тут же рассыпались в стороны, растворились за гаражами, словно их и не было. Крыса со своей свитой испарились ещё раньше.

Он остался сидеть на холодном, залитом дождём асфальте. Из разбитой губы капала кровь, глаз заплывал.

Она подбежала к нему, упала рядом на колени, прямо в лужу. Её руки дрожали. Она достала откуда-то носовой платок, чистый, белый, и прижала к его разбитой губе. Платок

тут же пропитался красным.

— Дурак... — прошептала она. — Ты зачем? Их же четверо было...

Он с трудом разлепил распухшие губы:

— А те трое... тогда... в школе... что-то меньше... не казались.

Она посмотрела на него. По-настоящему посмотрела. Не как на защитника, не как на странного парня из параллельного класса. А как на кого-то родного. Её палец скользнул по его скуле, стирая грязь и кровь. Он поднял на неё глаза. Мир вокруг замер. Дождь, лужи, боль — всё исчезло. Остались только они и это первое, случайное, но такое важное касание.

— Больно? — спросила она шёпотом.

— Нет, — соврал он.

И в тот момент оба поняли: всё изменилось. То, что зарождалось годами, из маленькой искры превратилось в пламя. Они сидели на мокром асфальте, избитые и дрожащие, но внутри у каждого разгоралось что-то огромное и новое.

Он больше не был просто защитником. Она больше не была «той девчонкой из песочницы».

Вечером он лежал дома на кровати и смотрел в потолок. На прикроватной тумбочке лежал её носовой платок. Обычный, белый, теперь с бурыми пятнами его крови. Он не разрешил маме его выбросить. Он спрятал его под подушку и, сам не зная зачем, улыбался разбитыми губами.

А она в своей комнате сидела у окна и смотрела на дождь. За окном горел фонарь, и в его свете всё казалось серебряным. Она касалась своих пальцев, которыми недавно прикасалась к его лицу, и на губах сама собой расцветала робкая, едва заметная улыбка.

Что-то начиналось.

Что-то на всю жизнь.

После той драки за гаражами прошло три дня. Он не появлялся в техникуме — отлёживался дома, залечивая синяки и рассечённую губу. Мать, конечно, устроила ему взбучку, но, узнав, из-за чего он полез в драку, лишь молча покачала головой и принесла из аптечки новую мазь. «Весь в отца, — вздохнула она. — Тот тоже за справедливость кулаками махал».

Она же эти три дня не находила себе места. На парах сидела рассеянная, записывала что-то невпопад, а на переменах ловила себя на том, что ищет глазами его силуэт в толпе. Его не было. И от этого внутри поселилась какая-то непонятная, сосущая пустота.

Её новые «подруги» из группы, заметив её состояние, тут же начали допытываться. Она была вынуждена рассказать, что произошло у гаражей. И — о чудо! — весть о том, что какой-то первокурсник с автомеханики в одиночку вписался против четверых старшекурсников, защищая «тихую девочку с бухгалтерии», разлетелась по техникуму быстрее лесного пожара. Крыса и её свита внезапно присмирели. На неё

теперь смотрели кто с уважением, кто с любопытством, но никто больше не смел цеплять.

На третий день она решилась. Узнала у его друзей адрес, соврав, что преподаватель просил передать домашнее задание. И после пар, сжимая в руке пакет с апельсинами, купленными на последние карманные деньги, отправилась в незнакомый район.

Дверь открыла его мать — уставшая, но приветливая женщина с такими же колючими, как у него, глазами. Она понимающе улыбнулась, увидев на пороге смущённую девушку с пакетом, и молча показала рукой на дверь его комнаты.

Он лежал на кровати, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Синяк на скуле уже пожелтел, губа почти зажила. Увидев её на пороге, он дёрнулся, попытался принять более приличный вид, но вышло только смешно.

— Ты?.. — он явно не ожидал её увидеть.

— Я, — она неловко переминалась с ноги на ногу. — Вот... апельсины. Говорят, витамин С помогает. — И тут же, покраснев, выпалила: — Спасибо тебе. За то, что заступился.

— Я же сказал, я не ради тебя, — буркнул он по привычке, отводя взгляд.

— Врёшь, — тихо, но твёрдо сказала она. — Ты всегда врёшь.

Он замолчал. А она, набравшись смелости, прошла в комнату и села на край стула возле его кровати. Повисла тишина.

на. Но это была не неловкая тишина чужих людей. Это была тишина, в которой двоим комфортно. Тишина, в которой говорят без слов.

— Почему ты всегда меня защищаешь? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.